

ФИЛОСОФИЯ И ПОЭЗИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Плодотворное напряжение между областью поэзии и областью философии, как замечал Х.-Г. Гадамер, существует с момента зарождения европейской философской мысли. При этом для анализа диалектического взаимодействия поэзии и философии интерес представляет не только древнегреческая культура, но не в последней степени — культура Древнего Рима. В Древнем Риме обнаруживаются различные варианты взаимодействия философии и поэзии. Именно эти варианты — теоретическое рассмотрение взаимоотношений философии и поэзии, а также их практическая взаимосвязь в виде выраженной в поэтических формах философии и насыщенной философскими идеями поэзии — являются предметом анализа в данной статье.

Применяя герменевтический подход, автор показывает, каким образом особенности древнеримской культуры повлияли на специфику понимания мыслителями Древнего Рима взаимосвязи философии и поэзии. При этом сравнительному анализу подвергаются философские учения Филодема, Цицерона, Сенеки и важнейшие идеи поэзии Лукреция, Вергилия, Горация, Овидия. Статья обосновывает, что утилитарное отношение римлян к философии приводило к акцентированию в ней антропологических, этических, социально-политических идей и требовало поиска максимально доступной для простого римлянина, образной формы их выражения. С другой стороны, и поэзия рассматривалась, в первую очередь, как средство воспитания и образования. В совокупности эти тенденции привели к слиянию философской идеи и поэтической формы в Древнем Риме.

Ключевые слова: философия, поэзия, Древний Рим, взаимодействие, нравственность, образование, практицизм, эклектизм, стоицизм, эпикуреизм.

В XX веке герменевтика и экзистенциализм придали особую актуальность вопросу о соотношении поэтического и философского языка. И это было вполне закономерно. Прежде всего, нужно отметить, что многие философские учения XIX–XX веков стали характеризоваться широким использованием художественного языка. Это приводило к тому, что философия наполнялась образностью, символичностью, углубленной ассоциативностью. Одной из причин этого явления было, по выражению Жюль Делёза, «обобщенное антигегельянство», которое явственно чувствовалось в воздухе времени¹. Философская мысль, преуспевшая в восхождении от конкретного к отвлеченному в трудах немецких философов — в первую очередь, Гегеля — начала возвращаться к единичному, к существованию как

таковому², к неповторимым событиям и образам. Тенденция к поэтизации философской речи проявилась у многих крупных мыслителей XX века. Не случайно, говоря о том, что университетской философии все же удалось частично отвоювать утраченные позиции, Х.-Г. Гадамер в своем эссе «Философия и поэзия» указывал, что это произошло во многом благодаря вторжению «в пограничную область поэтического языка»³. Ярким выражением тесной связи философии и поэзии стали такие философские направления как герменевтика и экзистенциализм. Так, например, М. Хайдеггер отмечал, что язык поэзии — это язык, в котором

¹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с. С. 12.

² Бальбуров Э.А. Взаимодействие художественного и философского слова в аспекте дискурса // Критика и семиотика. Сборник научных трудов. Выпуск 10. Новосибирск: НГУ, 2006. 192 с. С. 47.

³ Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с. С. 116.

утверждается бытие, и он неразрывен с мышлением: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты — хранители этого жилища. Их стража — осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке»⁴.

Вполне закономерно, что такая тенденция в развитии философской мысли XX века обусловила актуализацию темы о языке философии (в том числе и о его соотношении с языком поэзии), которая в настоящее время продолжает оставаться интересной не только для философов, но также для филологов и лингвистов⁵. Тем не менее, эта тема является далеко не новой в истории европейской культуры: «плодотворное напряжение, существующее между областью поэзии и областью философии, их близость и отдаленность друг от друга — это не проблемы недавнего прошлого; они постоянно сопровождают европейскую философию»⁶.

Действительно, любой, кто хотя бы немного знаком с историей античной литературы и философии, легко вспомнит философские поэмы Парменида и Эмпедокла, стихотворные опыты Ксенофана, Крантора, Клеанфа, художественные аллегории и метафоры Гераклита, Анаксагора, Платона. К античности относятся также первые попытки рассмотрения сущности поэзии, её роли в образовании и воспитании нравственности, её связи с моральным наставлением.

Проблема поэзии и ее соотношения со знанием и моралью была поднята древнегреческими философами Ксенофаном и Гераклитом, задумавшимися о влиянии поэзии на процесс нравственного воспитания. Так, Ксенофан в передаче Секста Эмпирика утверждал, что Гомер и Гесиод приписали богам «все, что есть у людей бесчестного и позорного»⁷.

Гераклит же поставил под сомнение то, что поэты вообще могут обладать истинным знанием и выступать учителями людей⁸.

Тема была развита Платоном. В диалоге «Государство» он подвергает поэзию критике, показывая, что поэты являются «подражателями теням добродетели и других предметов, изображаемых в их произведениях»⁹. Поэт «пробуждает, питает и укрепляет худшую сторону души и губит ее разумное начало»¹⁰. Таковы, по мнению Платона, произведения Гомера и Гесиода. Вследствие этого, он делает широко известное заключение о том, что «существует давняя вражда между поэзией и философией»¹¹. Однако нужно отметить, что этот древнегреческий философ допускал существование такой поэзии, которая могла бы быть принята в совершенное государство: «в наше государство поэзия принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям»¹². Эта платоновская идея побуждала задуматься о возможности преодоления вражды между философией и поэзией.

Не менее известны взгляды Аристотеля, «адвоката изгнанной поэзии»¹³. Поэзия, по его мнению, отнюдь не противопоставлена философии, более того, она находится ближе к философии, чем какой-либо иной род занятий. Так, сравнивая поэзию с историей, Аристотель утверждал, что «поэзия философичнее и серьезнее истории», поскольку она «больше говорит об общем, история — о единичном»¹⁴. Аристотель показал, что удовольствие, которое доставляет поэзия, имеет и когнитивный, и эмоциональный источники. Тем самым он сблизил философию и поэзию, создавая для последователей перспективу полного преодоления разрыва между ними.

Ксенофан, Гераклит, Платон и Аристотель поставили проблему. Эллинистическая философия еще более актуализировала её и подвергла деталь-

⁴ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с. С. 192.

⁵ См., например: Гуревич П.С. Поэт о культуре // Филология: научные исследования. 2013. № 2 (10). С. 99–101; Антонова Е.М. Ad libitum: философия и поэзия. // NB: Филологические исследования. 2013. № 1. С. 222–242; Сиземская И.Н. «Сущее не делится на разум без остатка»: Отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижении бытия // Философия и культура. 2014. № 2. С. 104–107; Спектор Д.М. Исторические корни драматической поэтики. // NB: Филологические исследования. 2013. № 4. С. 100–135 и др.

⁶ Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с. С. 116–117.

⁷ Секст Эмпирик. Против математиков, IX, 193.

⁸ Диоген Лаэртский, 7, 1.

⁹ Платон. Государство, 600e.

¹⁰ Платон. Государство, 605b.

¹¹ Платон. Государство, 607b.

¹² Платон. Государство, 607a.

¹³ Clay D. Framing the Margins of Philodemus and Poetry // Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by Dirk Obbink. Oxford, 1995. 336 p. P. 3.

¹⁴ Аристотель. Поэтика, IX, 1451b.

ной проработке, что вполне соответствовало духу эллинизма. Философия этого периода основным объектом исследования сделала человека и все проблемы с ним связанные — от сущности процесса языкового выражения мысли до разумного устройства государства. Не мог остаться без рассмотрения и вопрос о роли поэзии в нравственном воспитании человека и её соотношении с философией. Влиятельные эллинистические школы — эпикуреизм и стоицизм — давали на него диаметрально противоположные ответы.

Для эпикуреизма было характерно отношение к поэзии лишь как к средству получения удовольствия. Основатель школы Эпикур отказывал поэзии в возможности воспитывать и наставлять людей¹⁵. Тем не менее, как убедительно показала Э. Асмис, хотя Эпикур полностью исключал поэзию в качестве средства образования, он приветствовал ее в качестве развлечения¹⁶. Так, эпикурейский мудрец может посещать театр и получать при этом большее удовольствие, чем кто-либо еще, от театральных представлений. Философская подготовка, как считал Эпикур, позволит избежать вредного воздействия со стороны изображенных в поэзии нравственно несовершенных поступков. Только мудрец один способен верно судить о поэзии и музыке, хотя сам и не будет писать стихов¹⁷. Таким образом, прямо отрицая воспитательные функции поэзии и возможность непосредственного занятия поэтическим творчеством для мудреца, Эпикур всё же оставляет в жизни последнего некоторое пространство для поэзии. И эта небольшая «уступка» поэзии привела в дальнейшей — уже римской — истории эпикуреизма к появлению эпикурейцев-поэтов Филодема и Лукреция.

Если эпикуреизм традиционно считается философской школой, достаточно скептически оценивающей возможности поэзии в нравственном воспитании, то стоицизм, как подчеркивал Ф. де Лэйси, из всех античных школ «был наиболее предрасположен к поэзии»¹⁸. У Диогена Лаэртского содержится указание на то, что в стоической

диалектике рассматривались в числе прочих вопросы «о неправильных оборотах и словах, о поэтичности, о двусмысленности, о благозвучии»¹⁹. В понимании поэзии стоики исходили из убеждения о единстве искусства и познания. Цицерон так передает эту стоическую идею: «И искусства, как мы считаем, приемлемы (*assumendae*) сами по себе, — ибо, прежде всего, в них есть нечто достойное принятия, и, кроме того, они состоят из познаний и содержат нечто разумно-упорядоченное»²⁰. Мысль и композиция, по мнению стоиков, обладают одинаковой значимостью в стихах, составляют в равной степени необходимые элементы поэтических произведений. Стихотворение всегда имеет значение и содержит изображение предметов божественных и человеческих²¹. Поэтические смыслы, как учила Стоя, должны отражать философскую истину²². Вследствие этого, для стоиков поэзия интересна не столько потому, что способна доставить удовольствие слушателям, сколько потому, что она является важным инструментом в процессе образования. Некоторые представители стоической школы даже утверждали, что поэзия способна учить лучше философии. В частности, Клеанф считал, что «лучшими примерами являются поэтические и музыкальные, — ибо философское рассуждение хоть и способно в достаточной степени открыть вещи божественные и человеческие, но совсем не имеет собственных выразительных средств, для описания божественного величия; а метры, мелодии и ритмы лучше всего достигают истины созерцания божественных вещей»²³. Поэзия проясняет чувства и способствует лучшему пониманию идей²⁴. Стоики, как и эпикурейцы, считали, что мудрец способен лучше понимать поэтическое творчество, чем неискушенный человек²⁵. Совершенно логично, что сторонники стоической доктрины высоко ценили поэзию Гомера. Среди

¹⁵ Цицерон. О пределах добра и зла, I, 25-26.

¹⁶ Asmis E. Epicurean Poetics // *Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace*. Ed. By Dirk Obbink. Oxford, 1995. 336 p. P. 21.

¹⁷ Диоген Лаэртский, 10, 121.

¹⁸ Lacy de P. Stoic View of Poetry// *American Journal of Philology*. 1948. № 69 (3). P. 241.

¹⁹ Диоген Лаэртский, 7, 44.

²⁰ Цицерон. О пределах добра и зла, III, 18.

²¹ Диоген Лаэртский, 7, 60.

²² Armstrong D. *Philodemus On Poems book V // Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace*. Ed. by D. Obbink. Oxford: Oxford University Press, 1995. 336 pp. P. 265. См. также: Asmis E. *The Poetic Theory of the Stoic Aristo // Apeiron*. 1990. №23. P. 160.

²³ SVF, I, 486.

²⁴ SVF, I, 487.

²⁵ Цицерон. Об обязанностях, III, 15.

них самих были поэты, как, например, Клеанф, написавший знаменитый гимн Зевсу. Этот стоик развивал традиции выражения философского учения в поэтической форме, идущие от Ксенофана и Парменида. Вероятно, серьезно интересовался поэзией Аристон Хиосский. Книги о поэтике и риторике были у Диогена Вавилонского.

Таким образом, древнегреческая и ранняя эллинистическая философия предложили различные подходы к пониманию воспитательных и образовательных функций поэзии, равно как и ее отношения к философии. Однако для анализа диалектического взаимодействия поэтической формы и философской идеи интерес представляют не только они, но, возможно, еще в большей степени — философия и поэзия Древнего Рима. Несмотря на то, что римская философия, литература и культура в целом часто рассматриваются как эклектичные и зависимые от древнегреческих образцов, они представляют несомненный интерес для настоящего анализа. Во-первых, потому, что эклектизм и ориентация на усвоение культурных ценностей других народов не были проявлением неспособности римлян к самостоятельному культурному творчеству, а стали выражением особенностей их менталитета. Эти особенности, которые будут рассмотрены ниже, оказали влияние на формирование специфики древнеримской религии, искусства, философии. Они же определили и своеобразное понимание римскими мыслителями и поэтами взаимосвязи философии и поэзии, которое не может быть полностью сведено к идеям древнегреческих предшественников. Во-вторых, потому, что именно древнеримские подходы к рассмотрению поэзии и ее соотношения с философской идеей оказали существенное влияние на развитие всей европейской литературы. От Филодема, Цицерона, Лукреция, Горация прямая дорога ведет к Никола Буало и всему европейскому классицизму. В-третьих, потому, что в древнеримской культуре возможно обнаружить разнообразные формы взаимосвязи поэзии и философии. Прежде всего, это теоретическое осмысление поэзии и ее отношения к философии как в философской прозе (Филодем, Цицерон), так и в стихах (Гораций). Помимо этого, в древнеримской литературе имеются также и ценные примеры практического взаимодействия поэзии и философии — выраженная в поэтических формах философия (Лукреций) и насыщенная философскими идеями поэзия (Филодем, Вергилий, Гораций, Овидий, Сенека).

Закономерно, что в древнеримской философии с её рельефно выраженной социально-антропологической направленностью и зависимостью от древнегреческих и ранних эллинистических теорий обнаруживается интерес к анализу поэзии. Примером этого интереса является учение эпикурейца Филодема. Филодем вполне в духе Эпикура отрицает у искусства, включая риторику и музыку, функции нравственного воспитания²⁶. Что касается поэтического произведения, то оно, как считает Филодем, также не преследует моральные цели²⁷. Воспитывает не музыка или поэзия, а философия²⁸. Польза от поэзии состоит не столько в той мысли, которую стихи несут, сколько в удовольствии, которое они доставляют благозвучием и порядком слов²⁹. Филодем подвергает жесткой критике взгляды на поэтические произведения стоика Диогена Вавилонского и Неоптолема Парионского³⁰, согласно которым истинная поэзия не только несет уладу, но еще и полезна, поскольку изображает действительность и учит нравственности³¹. Филодем указывает, что

²⁶ Филодем. О риторике, II, 269–272; О музыке, 66, 40–41. Здесь и далее фрагменты из произведений Филодема цитируются по изданиям: Philodemus. On Poem. Book I. Ed. by Richard Janko. Oxford: Oxford University Press, 2003; Filodemo: Il buon re secundo Omero. Ed. T. Dorandi. Naples: Bibliopolis, 1982; Philodemos über die Gedichte, fünftes Buch. Von Christian Jensen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1923; Philodemi De musica librorum quae exstant. Edidit Joannes Kemke. Lipsiae: Teubner, 1884.

²⁷ Филодем. О поэтических произведениях, I, 18.

²⁸ Филодем. О музыке, 43, 1.

²⁹ Филодем. О поэтических произведениях, V, 13, 32–14, 2.

³⁰ Филодем. О поэтических произведениях, I, 6. Вопрос о принадлежности Неоптолема Парионского к стоикам является спорным. Он мог быть как стоиком, так и перипатетиком, на взгляды которого оказала влияние стоическая теория поэзии. Последнее весьма вероятно, учитывая, что в этот период учения философских школ сильно сблизились.

³¹ Более подробно см.: Тахо-Годи А.А. Эпикуреец Филодем и стоическая оценка поэзии // Вопросы филологии. М.: МГПИ, 1969. 444 с. С. 407–412; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 815 с. С. 246–251; Greenberg N.A. The Poetic Theory of Philodemus // Harvard Studies in Classic Philology. 1957. P. 146–148; Asmis E. Philodemus on Censorship, Moral Utility and Formalism in Poetry // Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by Dirk Obbink. Oxford, 1995. 336 p. P. 148–177; Sider D. Epicurean Poetics: Response and Dialogue // Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by Dirk Obbink. Oxford, 1995. 336 p. P. 35–41; Gaines R. Philodemus

стоическая оценка стихотворных произведений с точки зрения нравственной пользы отвергает многое «из самой прекрасной поэзии», что представляется бесполезным³².

Подчеркнуто резко выступает Филодем против стоика Кратета из Малла. Кратет, согласно Филодему, придерживался достаточно крайнего взгляда на поэзию, в соответствии с которым в оценке стихотворения важен лишь хороший звук или благозвучие, независимо от того, каково значение слов³³. Рассмотрение поэтических произведений должно основываться исключительно на слуховом анализе их благозвучия. Такая трактовка создавала возможность для наполнения поэтических произведений иррациональным смыслом. Как указывал в связи с этим известный исследователь творчества Филодема Р. Дженко, теория благозвучия открыла дорогу этимологическим и аллегорическим фетишам любого рода и тем самым «затормозила прогресс человеческой рациональности на многие века, пока, наконец, не была отвергнута такими просвещенными мыслителями как Дж. Вико сначала применительно к Гомеру, а затем шире — к «сакральным» текстам»³⁴.

Для самого же Филодема благозвучие в поэзии не может быть отделено от значения слов, от смысла, от мысли. Высокое качество поэзии как раз и возникает вследствие смешения двух составляющих — стиля и мысли: «поэтому существуют четкие цели для [поэтического] достоинства — в стиле подражать такому [стилю], который учит полезному. В мысли же, чтобы она была посередине между [мыслью] мудрого и необразованного»³⁵. Представления Филодема о сочетании в поэзии благозвучия и смысла, формы выражения и содержания оказали существенное влияние на римскую поэзию периода поздней республики и века Августа³⁶.

Тем не менее, римляне в силу присущих им мировоззренческих особенностей не могли принять эстетическое учение Филодема в полном объеме: эпикурейские идеи, отвергающие воспитательную и образовательную функцию поэзии, не могли легко прижиться в Древнем Риме. Для римлян с их стремлением любые культурные явления рассматривать с точки зрения практической полезности для дел частных и общественных, литература и философия были ценны именно возможностью своего применения в делах нравственного воспитания. Возможно, именно стремлением соответствовать римскому мировоззрению объясняется и то, что Филодем использует поэтические образы Гомера для разъяснения этических идей. Когда Филодем в работе «О хорошем правителе согласно Гомеру» обращается к конкретному римлянину — своему патрону Луцию Кальпурнию Пизону, он для иллюстрации положений эпикурейской этики прибегает к примерам из произведений Гомера (образам Гектора, Телемаха, Одиссея, Ахилла, Патрокла)³⁷, что не вполне согласуется с разграничением философии и поэзии у Эпикура³⁸. В данном случае Филодем обращается к неискушенному в философии человеку. Он применяет яркие поэтические образы, думая, вероятно, что они могут стать толчком для дальнейшего изучения философии. Этот вывод возможно сделать хотя бы потому, что Филодем сопровождает каждый пример подробным комментарием, не оставляя Пизону возможности проявить фантазию в его трактовке. Тем самым он не противоречит эпикурейской идее о том, что философ как подготовленный человек может верно судить о поэтических произведениях. Если поэзия и не имеет моральной ценности, взятая сама по себе, то объясненная философом-эпикурейцем, она может решать определенные образовательные задачи. Это закономерно приближало эпикурейца Филодема к стоическим представлениям, которые он так методично критиковал в трактате «О поэтических произведениях».

Еще одним отступлением Филодема от эпикурейских идей являются его эпиграммы. Их слож-

and Cicero on Models of Rhetorical Expression // Cicéron at Philodème: la polemique en philosophie. Ed. C. Auvray-Assayas and D. Delattre. Paris: Editions rue d'Ulm, 2001. 436 p. P. 259–372 и др.

³² Филодем. О поэтических произведениях, V, 1, 10.

³³ Филодем. О поэтических произведениях, V, 24, 33 — 25, 4.

³⁴ Janko R. Introduction // Philodemus. On Poem. Book one. Ed. by Richard Janko. Oxford: Oxford University Press, 2003. 632 p. P. 189.

³⁵ Филодем. О поэтических произведениях, V, 22, 31 — 23, 7.

³⁶ Janko R. Introduction // Philodemus. On Poem. Book one. Ed. by Richard Janko. Oxford: Oxford University Press, 2003. 632 p. P. 10.

³⁷ Филодем. О хорошем правителе согласно Гомеру, 4–5; 13; 22–23; 27–29.

³⁸ Нужно, однако, иметь в виду, что Эпикур, если верить свидетельству Диогена Лаэртского (10, 137–138), также прибегал к цитатам из Гомера, когда они соответствовали его идеям.

но совместить с высказыванием Эпикура о том, что если философ и будет получать удовольствие от поэзии, то сам он ею заниматься не должен. Эпиграммы Филодема определенно создавались не только для того, чтобы просто доставить удовольствие слушателю благозвучием и ритмом. Некоторые из них связаны с идеями, изложенными Филодемом в прозаической форме, и тем самым имеют философскую значимость³⁹. Уступка, которую Эпикур когда-то сделал поэзии, привела к поэтическому творчеству эпикурейцев⁴⁰. Тем не менее, если такая непоследовательность Филодема и могла бы, возможно, показаться странной самому основателю эпикурейской школы, то римляне I века до н.э. вряд ли видели в ней что-либо предосудительное, ведь смешение идей различных школ вполне соответствовало древнеримскому эклектизму.

Несмотря на то, что учениками Филодема были многие знаменитые римляне, пожалуй, большей популярностью и влиянием пользовались идеи Цицерона. И хотя этот мыслитель не оставил специального сочинения, посвященного поэзии, его трактаты дают богатый материал для изучения его представлений о соотношении философии и поэзии (и шире — литературы в целом, включая ораторское искусство). Цицерон настаивал на неразрывной связи поэзии и философии. Следуя за Платоном, он считал, что стихи воздействуют на чувства человека музыкальными элементами речи и на разум — содержанием, выраженным в словах: «Но так как о предметах и словах суждение принадлежит разуму, а звукам и ритму судья слух, и так как первое обращается к сознанию, а второе служит наслаждению, — там искусство достигается рассудком (*in illis ratio invenit*), здесь чувством (*in*

his sensus artem)»⁴¹. Рациональное и эмоциональное в поэзии, как и в литературных занятиях в целом, неразрывно связаны. Цицерон подчеркивал, что воздействие стихов так сильно именно благодаря действию ритма и звуков⁴². Желая взволновать толпу, поэты способны на многое: «...какую напускают они темноту, какие опасения внушают они, какие страсти разжигают!»⁴³ Эти взгляды Цицерона на поэзию близки идеям Платона. Однако, в отличие от древнегреческого философа, Цицерон подчеркивал рациональный характер поэтического творчества: «ни словесное украшение нельзя найти, не выработав и не представив себе отчетливо мыслей, ни мысль не может обрести блеск без светоча слов»⁴⁴. В силу этого лучшие поэтические произведения создаются тогда, когда природное дарование соединяется с образованием и философской подготовкой.

Чем же ценна для Цицерона связь поэзии и философии? Важнейшее свойство поэзии и красноречия — способность выражать «то, что подобает (*decorum*)», уместное для людей. «Поэт бежит неуместного как величайшего недостатка — ведь наделять честною речью бесчестного, мудрой — глупого уже есть ошибка»⁴⁵. Философия как основание красноречия и поэзии поможет поэту понять, что является уместным⁴⁶.

В трактовке уместности Цицерон также близок учению Стои. «Такое философское осмысление понятия уместности было делом стоиков, в особенности Панэтия; вместе со стоицизмом оно входило в практическую философию Цицерона и нашло наиболее полное выражение в его позднейшем трактате «Об обязанностях»⁴⁷. Очевидно, что требование изображать уместное и подобающее тесно связывало поэзию с философией.

Следуя за академической философией в ряде гносеологических и эстетических вопросов, Цицерон, тем не менее, не может согласиться с Пла-

³⁹ Sider D. How to commit Philosophy obliquely: Philodemus' Epigrams in the Light of his PERI PARRHESIAS // Philodemus and the New Testament World. Ed. by John T. Fitzgerald, Dirk Obbink, Glenn Stanfield Holland. Leiden: Brill, 2004. 432 p. P. 85.

⁴⁰ В настоящее время ряд исследователей придерживается мнения, что поэтическое творчество Филодема могло и не противоречить прямо идеям Эпикура, если сообщение Диогена Лаэртского о том, что мудрец, по мнению Эпикура, не будет заниматься поэзией, трактовать в том смысле, что он не будет заниматься ею профессионально. См., например: Asmis E. Epicurean Poetics // Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by Dirk Obbink. Oxford, 1995. 336 p. P. 22; Syder D. Epicurean Poetics: response and Dialogue // Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by Dirk Obbink. Oxford, 1995. 336 p. P. 36.

⁴¹ Цицерон. Оратор, 49, 162.

⁴² Цицерон. Об ораторе, III, 197.

⁴³ Цицерон. О государстве, IV, IX, 9.

⁴⁴ Цицерон. Об ораторе, III, 24.

⁴⁵ Цицерон. Оратор, 22, 74.

⁴⁶ Цицерон. Оратор, 21, 70.

⁴⁷ Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 471 с. С. 58. См. также Panaetii Rhodii fragmenta. Coll. M. v. Straaten. Leiden: Brill, 1952. 62 s. Fr. 107.

тоном в оценке социальной роли поэзии. Одна из наиболее искренних речей Цицерона — «Речь в защиту поэта Архия» — представляет собой по существу рассуждение о значении поэзии для древнеримского общества. Цицерон указывает на две её важнейшие функции. Одна из них — способность доставлять удовольствие и тем самым заполнять досуг римлян. И поэзия лучше, чем любое иное заполнение досуга — пиры, игра в кости или в мяч⁴⁸. Но, все же, ведущую роль Цицерон отводит другой функции поэзии — воспитательной: «Бесчисленные образы храбрейших мужей, созданные не только для любования ими, но и для подражания им, оставили нам греческие и латинские писатели! Всегда видя их перед собой во время своего управления государством, я воспитывал свое сердце и ум одним лишь размышлением о выдающихся людях»⁴⁹. Среди тех, кому поэзия помогла проникнуться доблестью и воспитать себя, Цицерон называет Публия Сципиона Африканского, Марка Катона Старшего, ораторов Гая Леллия и Луция Фурия⁵⁰.

Поэзия предстает, таким образом, благородным и универсальным занятием, к которому может и должен приобщиться любой римлянин: «Ведь другие занятия годятся не для всех времен, не для всех возрастов, не во всех случаях, а эти занятия воспитывают юность (*haec studia adulescentiam alunt*), веселят старость (*senectutem oblectant*), при счастливых обстоятельствах служат украшением (*secundas res ornant*), радуют на родине, не обременяют на чужбине, бодрствуют вместе с нами по ночам, странствуют с нами и живут с нами в деревне»⁵¹. Поэты достойны общественного уважения, поскольку они обладают своим талантом от природы (*poetam natura ipsa valere*) и исполнены божественного духа (*et quasi divino quodam spiritu inflari*)⁵². Эти высказывания Цицерона чрезвычайно близки к стоическим взглядам.

Нужно иметь в виду также и то, что во II–I веках до н.э. происходит существенное сближение влиятельных эллинистических школ — стоической, академической и перипатетической, так что четко и однозначно определить те учения, кото-

рые непосредственно повлияли на эстетические представления Цицерона, сложно. Например, академическая философия, имеющая своим истоком учение Платона, ко времени Цицерона трансформировала свое отношение к поэзии. Так, хорошо известно, что Крантор был поэтом. Диоген Лаэртский, в частности, приводит его стихи о любви⁵³. Он же сообщает о том, что Крантор любил стихи Гомера и Еврипида⁵⁴. Цицерон знал и ценил сочинения Крантора, называя, например, его книгу «О страдании» золотой⁵⁵. Учитывая, что в теории познания на Цицерона наибольшее влияние оказывала академическая школа, а в этике — стоическая, в них же, вероятно, следует искать и истоки его анализа поэзии. Какие бы влияния мы не обнаруживали, как замечал Ф. А. Петровский, «совершенно ясно, что основным требованием Цицерона к изящной литературе было ее общественно-полезное направление»⁵⁶. Она должна воспитать добродетельного человека и достойного гражданина Рима (*vir bonus, vir Romanus*).

Следуя такому пониманию функций поэзии, Цицерон выше всего ставит эпос, изображающий нравы предков, достойных людей и историю государства. Его любимый эпический поэт — Энний, творчество которого в полной мере соответствовало представлениям Цицерона об идеальном поэте⁵⁷. О комедии Цицерон отзывается сдержанно. В числе ее положительных свойств — подражание жизни⁵⁸, а также способность правдоподобно изображать характеры и тем самым служить исправлению нравов, как это делал Теренций в своих комедиях⁵⁹. В числе отрицательных свойств комедии — возможность ее использования для личных нападок на граждан, включая и тех, кто заслужил уважение своей доблестью⁶⁰, изображение в комедиях характеров, лишенных положительного вос-

⁴⁸ Цицерон. Речь в защиту поэта Архия, VI, 13.

⁴⁹ Там же, VI, 14.

⁵⁰ Там же, VII, 16.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, VIII, 18

⁵³ Диоген Лаэртский, 6, 26–27.

⁵⁴ Там же, 6, 26.

⁵⁵ Цицерон. Учение академиков, II, LXIV, 135.

⁵⁶ Петровский Ф.А. Литературно-эстетические воззрения Цицерона // Цицерон: Сборник статей / Под ред. Ф.А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 151 с. С. 48.

⁵⁷ Ошеров С.А. Римская литература в оценке Цицерона // Цицерон: Сборник статей к 2000-летию со времени смерти Цицерона. М.: Изд-во МГУ, 1959. 175 с. С. 165.

⁵⁸ Цицерон. О государстве, IV, XI, 13.

⁵⁹ Цицерон. О дружбе, XXV, 93.

⁶⁰ Цицерон. О государстве, IV, X, 11.

питательного значения⁶¹, использование недопустимых шуток⁶².

Еще более активно Цицерон выступает против поэтов-неотериков, среди которых наиболее известным был Валерий Катулл. Цицерон критикует их отказ от задач нравственного воспитания и сведение всего поэтического многообразия лишь к лирической поэзии⁶³. Он, как сообщает Сенека, говорил, что «даже если бы ему удвоили срок жизни, у него не было бы времени, чтобы читать лириков»⁶⁴. Всё это свидетельствует о том, что Цицерон защищал поэзию от всех, кто в той или иной форме — философской ли, поэтической ли — отказывал ей в нравственно-воспитательном значении. Важно и то, что сам он писал поэмы в духе Энния. Как сообщает Плутарх, «не пренебрегая ни единым из видов знания и образованности, особенно горячее влечение обнаруживал Цицерон к поэзии»⁶⁵. И хотя стихи Цицерона демонстрируют отсутствие у него таланта к стихосложению, сам факт его обращения к поэтическому творчеству является практическим выражением присущего ему понимания поэзии.

Интересно, что и взгляды эпикурейца Филодема, и зависимые от стоического учения эстетические идеи Цицерона вытекают из одного и того же исходного тезиса о том, что искусство должно быть связано с благом. Для стоиков благом является добродетель, и значит, полезное искусство должно вести к добродетели. Для эпикурейцев благо — наслаждение, и искусство должно не воспитывать, а услаждать.

Акцентирование воспитательных функций поэзии, свойственное стоической школе и обнаруживаемое у Цицерона, более согласовывалось с представлениями об общественной пользе и практицизмом римлян. Следствием этого стало то, что даже эпикурейцы в Древнем Риме испытали стоическое влияние. Одним из них, как мы видели, был Филодем с его эпиграммами, иллюстрирующими этику Эпикура. Но, бесспорно, гораздо более ярким примером выражения философского учения в поэтической форме стала поэма Лукреция «О природе вещей». При этом, насколько известно, поэти-

ческий опыт эпикурейца Лукреция не воспринимался его современниками как нечто из ряда вон выходящее⁶⁶. Ведь римляне уже были знакомы с творчеством Филодема, старшего современника Лукреция. Взгляды Цицерона были им также хорошо известны.

Своей главной задачей Лукреций ставил популяризацию идей Эпикура. Он четко декларирует свое желание «учения тёмные греков ясно в латинских стихах изложить»⁶⁷. Поэтическая форма была выбрана Лукрецием не случайно. Сегодня мы более склонны считать, что образность часто влечет за собой неоднозначность, полисемантическую текст. Но Лукреция был убежден, что образность облегчает понимание и способствует лучшему усвоению основных философских идей. Стихи, по мнению Лукреция, способны озарить ум светом, который открывает глубоко скрытые философские истины⁶⁸. О своем поэтическом творчестве он пишет: «Излагаю туманный предмет совершенно ясным стихом, усладив его муз обаянием всюду»⁶⁹. Благодаря «очарованию муз (*musaeo lepore*)» любое темное знание становится доступным простому человеку. Происходит это в силу того, что поэзия эмоционально «заражает». Лукреций даже надеется, что стихотворная форма поможет преодолеть ту ненависть, которую вызывает у непросвещенной толпы эпикурейское учение⁷⁰.

Источником таких идей Лукреция, конечно же, не могла служить лишь эпикурейская эстетика. Наличие иных источников подтверждается и проведенным выше анализом его онтологических представлений, изложенных в поэме «О природе вещей». Влияние стоической философии заметно в аллегоризме и символизме истолкования богов Лукрецием, и в его понимании природы как динамично развивающейся субстанции. И если данное влияние заметно даже в космологии, то оно становится еще более несомненным в решении ими вопросов о сущности поэзии и ее задачах.

⁶¹ Цицерон. Тускуланские беседы, IV, XXXII, 68–69.

⁶² Цицерон. Об обязанностях, I, 28.

⁶³ Цицерон. Об ораторе, III, 44–45; Тускуланские беседы, III, XIX, 45.

⁶⁴ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 49, 5.

⁶⁵ Плутарх. Цицерон, II, 4.

⁶⁶ Clay D. Framing the Margins of Philodemus and Poetry // *Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace*. Ed. by Dirk Obbink. Oxford: Oxford University Press, 1995. 336 p. P. 3.

⁶⁷ Лукреций. О природе вещей, I, 136–137.

⁶⁸ Там же, I, 142–145.

⁶⁹ Там же, I, 933–934.

⁷⁰ Там же, I, 843–844.

хи Августа»⁸⁰. Наиболее вероятно, тем не менее, что теоретическим источником для Горация послужило большое сочинение о поэзии Неоптолема, дошедшее только в передаче Филодема. Ч. Бринк указывает, что «Наука поэзии» является переложением литературной теории, которая могла принадлежать и, вероятнее всего, принадлежала Неоптолему Парионскому⁸¹. Влияние этого источника сказывается, видимо, на решении проблемы таланта и мастерства, полезного и приятного, краткости и законченности произведения⁸². Важно отметить роль идей Аристотеля: начало «Науки поэзии» соотносимо со взглядами этого древнегреческого философа на поэтическое творчество как подражание⁸³. Гораций повторяет рассуждения Аристотеля о размерах в трагедии и комедии, о стилях и их зависимости от психологии действующих лиц⁸⁴. Однако хотя он местами и воспроизводит аристотелевские взгляды, вряд ли стоит соглашаться с утверждением, что всё значение Горация для истории литературы состоит лишь в том, что он придал новый поворот идеям Аристотеля⁸⁵. Практическая римская натура Горация сторонилась слишком уж сильной абстрактности. Если Аристотель в эстетике повсюду дает логические схемы и дефиниции, то в «Науке поэзии» нет даже определения трагедии. Если Аристотель придает в трагедии особое значение событию и мифу, то Гораций — соответствующему действительности изображению характеров. Нельзя отрицать и влияние на Горация иных (не перипатетических) источников, в первую очередь, стоической поэтики с её акцентом на связи поэзии и морали⁸⁶. Как указывал в этой связи А. Ф. Лосев, сколько бы источников мы не находили у Горация, всегда следует помнить о единстве стиля и содержания «Науки поэзии», в котором совмещается

красочное, пестрое, а иной раз даже противоречивое разнообразие с отчетливо ощутимым единством подхода к искусству и жизни⁸⁷.

Убеждение в возможности и целесообразности выражения сложных философских теорий в поэтической форме оказало существенное влияние на древнеримскую поэзию «золотого века», века Августа. Следствием этого стала насыщенность философскими идеями стихов Вергилия, Горация, Овидия. Интересно, что поэты «золотого века» не ограничивались изложением лишь этических и эстетических идей. Осознавая мировоззренческие функции поэтического искусства, они наполняют свои произведения онтологическими, гносеологическими, антропологическими идеями. В частности, у Вергилия можно обнаружить стоические пантеистические представления о божественном, разумно устроенном, совершенном космосе:

*... бог (deum) наполняет
Земли все, и моря, и эфирную высь, — от него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Все, что рождается, берет тончайшие жизни
частицы
И, разложившись, опять к своему возвращает
исток»⁸⁸.*

Во всем образном строе «Энеиды» с рельефной четкостью выражены стоические идеи о всеобщей причинно-следственной связи и роке, который определяет не только человеческие поступки, но и действия богов. В X книге поэмы, говоря о неизбежности свершения установлений рока, Вергилий вкладывает в уста Юпитера ставшую крылатой фразу: «Рок дорогу найдет (fata viam invenient)»⁸⁹. Философские идеи, выраженные этим древнеримским поэтом, настолько глубоки и интересны (в том числе и своей несводимостью к учению какой-либо одной эллинистической философской школы), что они, бесспорно, заслуживают отдельного рассмотрения⁹⁰.

⁸⁰ Гаспаров М.Л. Композиция «Поэтики» Горация // Очерки истории римской литературной критики. М.: Издательство АН СССР, 1963. 310 с. С. 98.

⁸¹ Brink, Charles O. Horace on Poetry. The "Ars Poetica". Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 590 p. P. XI–XII.

⁸² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 815 с. С. 419–420.

⁸³ Аристотель. Поэтика, 1460 b.

⁸⁴ Гораций. Наука поэзии, 25; 73–82; 119–135.

⁸⁵ Harland R. Literary Theory from Plato to Barthes. London: Palgrave Macmillan, 1999. 302 p. P. 18.

⁸⁶ Lacy de P. Stoic View of Poetry // American Journal of Philology. 1948. № 69 (3). P. 266.

⁸⁷ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 815 с. С. 419.

⁸⁸ Вергилий. Георгики, IV, 222–225.

⁸⁹ Вергилий. Энеида, X, 111–113.

⁹⁰ См. более подробно: Clausen W. An Interpretation of the Aeneid // Harvard Studies in Classical Philology. 1964. № 68. P. 139–149; Smith A. The Primacy of Vision in Virgil's Aeneid. Austin: University of Texas Press, 2005. 253 p.; Ошеров С.А. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. К 80-летию Ф.А. Петровского. М.: Наука, 1972. 504 с. С. 317–329 и др.

рождения республиканских традиций и доблестных нравов предков:

*Римлянин! Ты научись народами править
державно –
В этом искусство твое! — налагать
условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною
надменных!*⁹⁶

С другой стороны, и философия этого периода с необходимостью требовала иных форм выражения, нежели наукообразный трактат в духе Аристотеля. Социально-антропологический подход к философским знаниям, заложенный Цицероном, стал в Риме общепринятым. Его влияние проявляется и у Лукреция, и в поэзии «золотого века», и в еще большей степени — у поздних стоиков (Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия). Направленная на решение человеческих проблем, философская мысль в Древнем Риме разрывала узкие рамки философских школ. Она становилась все более популярной, входила в систему общей образованности, начинала играть роль непосредственного жизненного руководства для римлян⁹⁷. Такая популярная философия искала выражения в соответствующих ее содержанию формах. Чрез-

вычайно распространенными становятся «малые жанры» — письма, утешения, наставления. Поэзия, использующая образный язык, а не сложную терминологию, ясная и вместе с тем эмоционально увлекающая, также стала в Древнем Риме одной из вполне приемлемых форм для выражения философских идей. Проявлением этой тенденции можно считать поэтическое творчество Филодема, Лукреция, Вергилия, Горация, Овидия, несколько позже — Сенеки. Очень тесная связь философии и поэзии «золотого века» позволяет говорить о поэтической модификации философии в Древнем Риме в I в. до н.э.

Интересно, что в период от Цицерона и Лукреция до Сенеки в Древнем Риме не было крупных философов, внесших хоть какой-то вклад в историю европейской мысли, зато была философски насыщенная поэзия. И можно только удивляться курьезности того исторического факта, что единственными римскими трагедиями, сохранными для нас неумолимым временем, стали трагедии, написанные философом Сенекой. Далекие от совершенства по своей поэтической форме они были стихотворным выражением стоических представлений о роке и добродетели. Это еще одно убедительное доказательство тесной связи поэзии и философии в Древнем Риме.

Список литературы:

1. Антонова Е.М. Ad libitum: философия и поэзия // NB: Филологические исследования. 2013. № 1. С. 222–242. (http://www.e-notabene.ru/fil/article_63.html).
2. Бальбуров Э.А. Взаимодействие художественного и философского слова в аспекте дискурса // Критика и семиотика. Сборник научных трудов. Выпуск 10. Новосибирск: НГУ, 2006. 192 с. С. 46–51.
3. Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с. С. 116–146.
4. Гаспаров М.Л. Композиция «Поэтики» Горация // Очерки истории римской литературной критики. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 310 с. С. 97–151.
5. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 471 с. С. 7–74.

⁹⁶ Вергилий. Энеида, VI, 851–853.

⁹⁷ См. более подробно: Титаренко И.Н. Роль антропологической проблематики в философии Древнего Рима // Научная мысль Кавказа. 2006. № 2. С. 41–46; Титаренко И.Н. О национальных особенностях философии Древнего Рима и их влиянии на развитие европейской философской мысли // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии: Материалы Всероссийской конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 155 с. С. 53–55; Титаренко И.Н. Трагедии Сенеки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 1995. № 4. С. 52–58.

6. Гуревич П.С. Поэт о культуре // Филология: научные исследования. 2013. № 2 (10). С. 99–101.
7. Гуревич П.С. Поэтика как языковое чувствилище // Филология: научные исследования. 2011. № 2(02). С. 3–4.
8. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 815 с.
10. Ошеров С.А. Римская литература в оценке Цицерона // Цицерон: Сборник статей к 2000-летию со времени смерти Цицерона. М.: Изд-во МГУ, 1959. 175 с. С. 145–175.
11. Петровский Ф.А. Литературно-эстетические воззрения Цицерона // Цицерон: Сборник статей. Под ред. Ф.А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 151 с. С. 42–56.
12. Сиземская И.Н. «Сущее не делится на разум без остатка»: Отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижения бытия // Философия и культура. 2014. № 2. С. 162–172.
13. Спектор Д.М. Исторические корни драматической поэтики // NB: Филологические исследования. 2013. № 4. С. 100–135.
14. Тахо-Годи А.А. Эпикурец Филодем и стоическая оценка поэзии // Вопросы филологии. М.: МГПИ, 1969. С. 407–412.
15. Титаренко И.Н. Роль антропологической проблематики в философии Древнего Рима // Научная мысль Кавказа. 2006. № 2. С. 41–46.
16. Титаренко И.Н. Трагедии Сенеки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 1995. № 4. С. 52–58.
17. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
18. Brink C. Horace on Poetry. Vol. I. Prolegomena to the Literary Epistles. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.
19. Harland R. Literary Theory from Plato to Barthes. London: Palgrave Macmillan, 1999. 299 p.
20. Clausen W. An Interpretation of the Aeneid // Harvard Studies in Classical Philology. 1964. № 68. P. 139–149.
21. Gaines R. Philodemus and Cicero on Models of Rhetorical Expression // Cicéron at Philodème: la polemique en philosophie. Ed. C.Auvray-Assayas and D.Delattre. Paris: Editions rue d'Ulm, 2001. P. 259–372.
22. Grube G.A. The Greek and Roman Critics. London: Methuen, 1965.
23. Harland R. Literary Theory from Plato to Barthes. London: Palgrave Macmillan, 1999. 302 p.
24. Janko R. Introduction // Philodemus. On Poem. Book one. Ed. by Richard Janko. Oxford: Oxford University Press, 2003. 632 p.
25. Johnson W.R. Horace and the Dialectic of Freedom. Ithaca: Cornell University Press, 1993. 183 p.
26. Kilpatrick R. The Poetry of Criticism: Horace, Epistles II and Ars Poetica. Alberta: The University of Alberta Press, 1990. 125 p.
27. Lacy de P. Stoic View of Poetry // American Journal of Philology. Baltimore, 1948. № 69. P. 241–271.
28. Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by D. Obbink. Oxford: Oxford University Press, 1995. 316 p.
29. Sider D. How to commit Philosophy obliquely: Philodemus' Epigrams in the Light of his PERI PARRHESIAS // Philodemus and the New Testament World. Ed. by John T. Fitzgerald, D. Obbink, G. Holland. Leiden: Brill, 2004. 432 p. P. 85–101.
30. Smith A. The Primacy of Vision in Virgil's Aeneid. Austin: University of Texas Press, 2005. 253 p.

References (transliteration):

1. Antonova E.M. Ad libitum: filozofiya i poeziya. // NB: Filologicheskie issledovaniya. 2013. № 1. S. 222–242. (http://www.e-notabene.ru/fil/article_63.html).
2. Bal'buurov E.A. Vzaimodeistvie khudozhestvennogo i filozofskogo slova v aspekte diskursa // Kritika i semiotika. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 10. Novosibirsk: NGU, 2006. 192 s. S. 46–51.
3. Gadamer Kh.-G. Filozofiya i poeziya // Gadamer Kh.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. 367 s. S. 116–146.
4. Gasparov M.L. Kompozitsiya «Poetiki» Goratsiya // Ocherki istorii rimskoi literaturnoi kritiki. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 310 s. S. 97–151.

5. Gasparov M.L. Tsitseron i antichnaya ritorika // Tsitseron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve. M.: Nauka, 1972. 471 c. S. 7–74.
6. Gurevich P.S. Poet o kul'ture // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 2 (10). S. 99–101.
7. Gurevich P.S. Poetika kak yazykovoe chuvstvilishche // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2011. № 2. S. 3–4.
8. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: Petropolis, 1998. 384 c.
9. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. Rannii ellinizm. M.: Iskusstvo, 1979. 815 c.
10. Osherov S.A. Rimskaya literatura v otsenke Tsitserona // Tsitseron: Sbornik statei k 2000-letiyu so vremeni smerti Tsitserona. M.: Izd-vo MGU, 1959. 175 s. S. 145–175.
11. Petrovskii F.A. Literaturno-esteticheskie vozzreniya Tsitserona // Tsitseron: Sbornik statei / Pod red. F.A. Petrovskogo. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 151 s. S. 42–56.
12. Sizemskaya I.N. «Sushchee ne delitsya na razum bez ostatka»: Otechestvennaya filosofskaya mysl' o ponyatiino-khudozhestvennom sposobe postizhenii bytiya // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. S. 162–172.
13. Spektor D.M. Istoricheskie korni dramaticheskoi poetiki // NB: Filologicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 100–135.
14. Takho-Godi A.A. Epikureets Filodem i stoicheskaya otsenka poezii // Voprosy filologii. M.: MGPI, 1969. S. 407–412.
15. Titarenko I.N. Rol' antropologicheskoi problematiki v filosofii Drevnego Rima // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2006. № 2. S. 41–46.
16. Titarenko I.N. Tragedii Seneki // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya «Obshchestvennye nauki». 1995. № 4. S. 52–58.
17. Khaidegger M. Pis'mo o gumanizme // Vremya i bytie. M.: Respublika, 1993. 447 s.
18. Brink C. Horace on Poetry. Vol. I. Prolegomena to the Literary Epistles. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.
19. Harland R. Literary Theory from Plato to Barthes. London: Palgrave Macmillan, 1999. 299 p.
20. Clausen W. An Interpretation of the Aeneid // Harvard Studies in Classical Philology. 1964. № 68. P. 139–149.
21. Gaines R. Philodemus and Cicero on Models of Rhetorical Expression // Cicéron at Philodème: la polemique en philosophie. Ed. C.Auvray-Assayas and D.Delattre. Paris: Editions rue d'Ulm, 2001. P. 259–372.
22. Grube G.A. The Greek and Roman Critics. London: Methuen, 1965.
23. Harland R. Literary Theory from Plato to Barthes. London: Palgrave Macmillan, 1999. 302 p.
24. Janko R. Introduction // Philodemus. On Poem. Book one. Ed. by Richard Janko. Oxford: Oxford University Press, 2003. 632 p.
25. Johnson W.R. Horace and the Dialectic of Freedom. Ithaca: Cornell University Press, 1993. 183 p.
26. Kilpatrick R. The Poetry of Criticism: Horace, Epistles II and Ars Poetica. Alberta: The University of Alberta Press, 1990. 125 p.
27. Lacy de P. Stoic View of Poetry // American Journal of Philology. Baltimore, 1948. № 69. P. 241–271.
28. Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace. Ed. by D. Obbink. Oxford: Oxford University Press, 1995. 316 p.
29. Sider D. How to commit Philosophy obliquely: Philodemus' Epigrams in the Light of his PERI PARRHESIAS // Philodemus and the New Testament World. Ed. by John T. Fitzgerald, D. Obbink, G. Holland. Leiden: Brill, 2004. 432 p. P. 85–101.
30. Smith A. The Primacy of Vision in Virgil's Aeneid. Austin: University of Texas Press, 2005. 253 p.